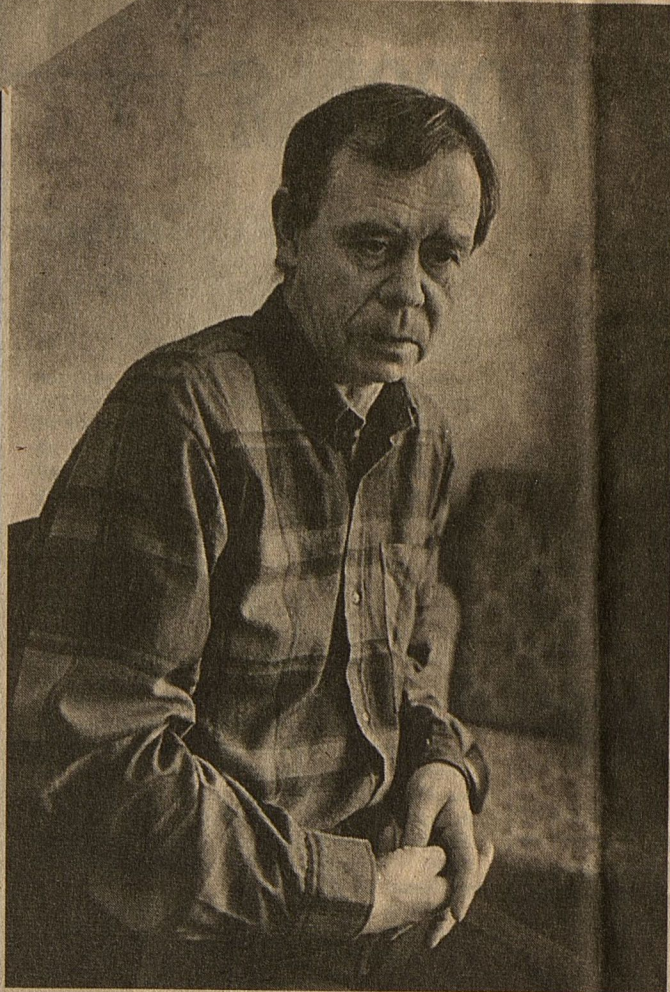

Свой взгляд на жизнь Веч. Москва. - 1996. - 28 нояб. - с 5.

Писатель Валентин Распутин известен в России и за рубежом как мастер прозы, автор повестей и рассказов «Прощание с Матерой», «Последний срок», «Уроки французского», «Живи и помни», «Пожар», «Деньги для Марии» и других. В 1977 и 1987 годах был лауреатом Государственных премий СССР. А недавно стал обладателем Международной литературной премии «Москва — Пенне». Таких премий было присуждено три. Другими лауреатами стали Фазиль Искандер и Людмила Петрушевская. Но, кроме того, Распутину была вручена премия абсолютного победителя, присужденная читательским жюри, которое состояло из 400 студентов гуманитарных вузов, старшеклассников и постоянных посетителей столичных библиотек из числа молодежи. После награждения писателя корреспондент «ВМ» встретила с ним.

Валентин Распутин:

Счастье — это чистая совесть

— Валентин Григорьевич, вы — сибиряк. Уверена, что иркутские любители книги отдали бы вам предпочтение. Но то, что вас, писателя «деревенщика», выбрали молодые москвичи, для многих оказалось неожиданным... Как вы сами относитесь к этой награде?

— Отношение двойственное. Испытываю некоторую неловкость, поскольку получил премию не за книгу, а за небольшие по объему рассказы «В ту же землю...» и «В больнице». С другой стороны, я рад. Приятно тронут вниманием молодых читателей. Мои рассказы не развлекаловка. Однако печаль, грусть ребят от чтения не отвратили. Рано еще говорить о потерянном поколении, на молодежь рукой махать. И если я ошибался в ней, то такую ошибку приятно признавать.

Третий год в Иркутске проводятся Дни русской духовности и культуры, в которых участвуют известные литераторы, музыканты, священнослужители, Малый театр... В первый раз аудитория выглядела великовозрастной, а потом стала омолаживаться. Возможно, такая тенденция есть и в Москве...

— Вы уже немало лет живете в столице. Почувствовали себя москвичом?

— Нет. Живу здесь по 3—4 месяца в году. Дочь живет больше. Она — органистка, аспирантка Консерватории. Я же приезжаю сугубо по делам — литературным и общественным. Как член редколлегий, например... Много суety, мало времени на работу. Нужно, наверно, меньше (мой собеседник улыбается) интервью давать...

— Да вы их без того почти никому не даете!

— Работать нужно. Раньше у меня в Москве работа не получалась. Теперь деться некуда. Собираюсь зимой поехать в подмосковный дом творчества.

Я не москвич в полном смысле этого понятия, но, бывая в Москве издавна и подолгу, зная ее роль в отечественной истории, не могу не любить нашу столицу. Она сейчас сильно меняется и не во всем к лучшему. Она была русским городом — должна им и остаться. Я живу в районе Старого Арбата. В переулках тихо, тут священные для нашей культуры места. Тут жил Шолохов, жили славянофилы... Реставрацию старых зданий можно только приветствовать. Вот каким хозяевам они достаются — другой вопрос. Возвращение храма Христа Спасителя было необходимо: уничтожили — давайте воскресим. Этот грех еще долго отмаливать.

А вот без «подземного города» на Манежной площади Москва вполне могла бы обойтись. Ей не надо рядиться под Запад.

— Валентин Григорьевич, вы — известный деятель экологического движения. Были в правительственной комиссии по Байкалу. Как там сейчас дела?

— Экологическое движение во всем мире пошло на спад. Усталость, что ли, сказывается, малорезультативность. У нас многие «борцы» за экологию сделали на ней карьеру и ушли или в финансовые структуры, или в политику, совсем не обязательно «зеленую». Бог им судья, но проблемы-то остаются. В связи с остановкой заводов и фабрик в Рееии наша природа испытывает сейчас меньше разрушительных воздействий, но ведь это же не выход — людей нужно кормить, одевать, им нужно дать работу.

По Байкалу с конца 60-х и по 87-й год было принято четыре правительственных постановления. Если бы они полностью выполнялись, мы бы говорили сегодня о Байкале только в восхищенных тонах. Последнее постановление, самое серьезное, прервал рынок. Целлюлозный комбинат не успели перепрофилировать, а теперь он акционировался, его голыми руками не возьмешь.

А местная власть и не хочет брать, временщики всюду временщики. Байкал продолжает загрязняться. Нужен закон о Байкале, разные его проекты гуляют по думским коридорам уже несколько лет — пока безрезультатно. И, тем не менее, Байкал держится...

(Когда мы заговорили о «славном и священном море», Распутин оживился на глазах. Чувствуется, что это ему близко).

— Появился, к примеру, омуль — самая знаменитая байкальская рыба. Благодаря запрету, который действовал двадцать лет, стадо этой рыбы увеличилось. Омуль, правда, стал мельче, ему, видимо, не хватает корма. Но теперь его, как в старые годы, можно беспрепятственно покупать и в байкальских поселках, и вдоль дорог, как покупают яблоки в Подмосковье. Можно и половить...

Еще одна новинка. Начали поднимать с глубин, разливать и продавать байкальскую воду. На глубинах она еще не пострадала, вкус у нее отменный, и она пользуется спросом как у нас, так и за границей. Это лишний довод в пользу того, что надо беречь Байкал и остановить его загрязнение. Он уже сегодня, не говоря о духовной его ценности, дороже всего золота в мире.

— Над чем вы сейчас работаете «за писательским столом»? Какая тема вас волнует?

— Современная «красочная» жизнь и в деревне, и в городе... Сейчас невозможно писать о чем-либо другом. Пишу рассказы, хотя не оставляю и публицистики. Работаю трудно, я всегда работал трудно. Много начато и незаконченного. К одним «началам» буду возвращаться, к другим едва ли. Проблем с публикацией пока нет. Скоро должна выйти книга в издательстве «Панорама», затем, надеюсь, появятся рассказы в издательстве «Голос».

А вот читают у нас, к сожалению, все меньше и меньше. Падают тиражи «толстых» журналов. Причем журналы-то хорошие — «Наш современник», «Москва», «Русская провинция», издающаяся в Твери. Литература, несмотря на то, что она сейчас совершенно отлучена от государства, как прежде церковью, не погибла и не собирается погибать.

Вообще читать стали меньше не только книг и журналов, но даже газет. Люди насытились политикой. Та же участь ждет радио и телевидение. Произошел разрыв: на экране поют одни песни — в жизни «песни» другие. Препятствие такого резкого несоответствия не было.

Россия загнана в неестественное состояние, живет несвойственной ей жизнью. Ее пытаются переделать на чужой манер. У россиян другие моральные ценности, другие понятия о счастье...

— А что, по-вашему, счастье?

— Счастье — это чистая совесть! Так важно ее сохранить сейчас, когда создается эгоистическое, не брезгующее никакими средствами в борьбе за успех общество. Человек должен засыпать и просыпаться с чистой совестью, зная, что ни себя, ни других своим образом жизни не оскорбил и не лишил куса хлеба, что остался в той нравственной и духовной атмосфере, которая и делает его человеком.

— Валентин Григорьевич, сначала вы говорили сдержанно и вдруг такие слова — «Россия загнана...». А сами вы своими критическими выступлениями во времена Брежнева, потом Горбачева не способствовали нынешнему положению дел?

— Нет, я никогда не умел говорить сдержанно — ни в старые, ни в новые времена. Прочитайте мою «Матеру», написанную в 70-х, или «Пожар», напечатанный в 1985-м, накануне «перестройки». Так жить было нельзя, Говорухин прав, но нельзя было и ломать Россию через колено, натягивать на нее чужую шкуру, разрушать ее устои и ценности, в сущности — все разрушать. Стену, поставленную в 1917 году, необходимо было убрать, чтобы Россия воссоединилась во всей полноте ее истории и культуры. Это, слава Богу, произошло. А дальше что происходит? Дальше воссоединенная Россия сталкивается в хаос, разруху, грязь и испытывает еще большее надругательство над собой.

С той же литературой... Выбор есть, на одном прилавке — от самого святого до самого гнусного, но именно эта неразборчивость, это соседство и затрудняют подходы к прилавку.

— В этой связи каких авторов посоветуете читать? Интересно услышать — кого вы любите?

— Кого перечитываю... Достоевского, Лескова, Бунина, из «вернувшихся» на Родину — Ивана Шмелева, Бориса Зайцева. Давайте лучше поставим вопрос по-другому: кто прежде обогатил, из исторических и духовных фигур, сегодня вновь звучал к пользе России?

— Хорошо. Кто же?

— К примеру, Столыпин Петр Аркадьевич, великий патриот России и мудрый ее преобразователь; обер-прокурор священного Синода Константин Петрович Победоносцев, мудрый и дальновидный мыслитель... Разумеется, отец Иоанн Кронштадтский, принадлежащий к святому воинству России. Проясняется фигура моего однофамильца Григория Распутина, сознательно вступившая в грязь ради компрометации царской семьи... Меняется отношение к Александру Семеновичу Шишкову, адмиралу и писателю, министру народного просвещения в пушкинское время. Думаю, что и к графу Алексею Андреевичу Аракчееву пора относиться справедливее, и его военные поселения перестать ставить ему в вину — они в александровскую эпоху нужны были России...

— Какой неожиданный подбор имен! Всех этих авторов еще недавно называли «махровыми реакционерами»...

— Да, но ведь у нас в «светочах» ходили Софья Перовская, Степан Халтурин, Емельян Ярославский... История в конце концов всех и все расставляет по своим местам.

— Спасибо, Валентин Григорьевич, за беседу. Не во всем я с вами согласна, но, как и вы, надеюсь, что история все расставит по своим местам. Желаю вам творческих успехов, новых интересных рассказов на радость любителям словесности.

— Спасибо, желаю, чтобы ваша газета была добрым спутником читателя.

Беседу вела Ольга НИКОЛЬСКАЯ

...На берегу Байкала

